

Федина С.А.

«ГОРОД ЮНОСТИ» VS «ГОРОД ТРУДА И СЛАВЫ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА
КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

Федина, Софья Алексеевна — студент кафедры «Дизайн архитектурной среды», Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия, ftx46vb@gmail.com.

Статья посвящена исследованию эволюции символического образа города Комсомольска-на-Амуре в публичном пространстве. Анализируется борьба и взаимодействие двух ключевых нарративов: романтического мифа о «Городе юности», сформированного вокруг подвига комсомольцев-первопроходцев, и героико-трудового мифа о «Городе труда и славы», акцентирующего роль промышленности и оборонного щита страны. На материале анализа официального дискурса, культурных текстов и визуальных репрезентаций прослеживается динамика доминирования этих образов в советский, постсоветский и современный периоды. Делается вывод о том, что трансформация бренда города отражает более широкие социокультурные и идеологические трансформации российского общества, а современный этап характеризуется попыткой синтеза двух мифов для формирования новой консолидирующей идентичности.

Ключевые слова: наследие, Комсомольск-на-Амуре, символический образ города, городской брендинг, локальная идентичность, историческая память, комсомольская стройка, индустриализация, культурный миф.

“CITY OF YOUTH” VS “CITY OF LABOR AND GLORY”:
TRANSFORMATIONS OF THE SYMBOLIC IMAGE
OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR

Fedina, Sofia Alekseevna—student of the Department of Architectural Environment Design, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation, ftx46vb@gmail.com.

The article is devoted to the study of the evolution of the symbolic image of the city of Komsomolsk-on-Amur in the public space. It analyzes the struggle and interaction of two key narratives: the romantic myth of the “City of Youth”, which was formed around the heroic deeds of the pioneering Komsomol members, and the heroic labor myth of the “City of Labor and Glory”, which emphasized the role of industry and the country’s defense shield. Based on the analysis of official discourse, cultural texts, and visual representations, the article traces the dynamics of the dominance of these images during the Soviet, post-Soviet, and contemporary periods. It is concluded that the transformation of the city’s brand reflects broader sociocultural and ideological transformations in Russian society, and the current stage is characterized by an attempt to synthesize both myths to form a new consolidating identity.

Key words: Komsomolsk-on-Amur, the symbolic image of the city, urban branding, local identity, historical memory, the Komsomol construction, industrialization, and the cultural myth.

Комсомольск-на-Амуре, основанный в 1932 г., является одним из знаковых урбанистических проектов советской эпохи, представляющим собой уникальный пример планового градостроительства в экстремальных условиях Дальнего Востока. Его уникальность заключается не только в истории создания, но и в сложном, двойственном символическом образе, который на протяжении десятилетий определял его место в национальном сознании. Этот облик с момента основания города конструировался вокруг двух центральных мифологем: романтически-идеалистической «Город юности» и героико-прагматической «Город труда и славы», которые, переплетаясь и взаимодействуя, создавали многогранную идентичность этого промышленного центра.

Существовавшее в дореволюционный период село Пермское неоднократно привлекало внимание царских властей в качестве одного из наиболее перспективных мест для промышленного развития. Его ключевым преимуществом было расположение в центре обширного лесного массива с густой сетью сплавных рек и протоков, что создавало выгодные условия для строительства лесопильных производств. Тем не менее, в связи с недостаточным уровнем потребности внутреннего рынка в пиломатериалах в конце XIX в., проект по преобразованию Пермского в промышленный узел так и не был реализован.

После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. царское правительство, стремясь укрепить Дальний Восток, вновь обратило внимание на Пермское. Его стали рассматривать как стратегический выход к океану. Преимущества местности — ровный рельеф, спускающийся к Амуру, и возможность провести дноуглубительные работы для захода морских судов — делали ненужным дорогостоящее строительство моста. Это привело к решению построить в селе порт и три казенных завода: судоремонтный, золотоплавильный и оружейный, а также проработать вопрос с железной дорогой. Однако сглаживание отношений с Японией и растущая напряженность в Европе отодвинули эти планы на второй план.

В итоге город все же появился и был назван в память о комсомольцах-первопроходцах, заложивших его основы. Хотя в числе первых строителей были и вольнонаемные, и рабочие, прибывшие по оргнабору, основной рабочей силой в 1933 г. стали заключенные, которые составляли 16 000 человек, или 65 % от общего числа строителей.

Исторический контекст возникновения Комсомольска-на-Амуре отражает стратегические интересы СССР в укреплении своих восточных рубежей. Решение о строительстве было принято в рамках реализации второго пятилетнего плана и диктовалось необходимостью создания промышленного узла вдали от уязвимых западных границ страны. Место для будущего города было выбрано неслучайно — расположение при впадении реки Силинки в Амур обеспечивало удобные транспортные связи и возможности для развития крупной промышленной агломерации. Уже в первые годы существования города здесь началось строительство предприятий, имевших стратегическое значение для обороноспособности страны.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов формирования и трансформации локальной идентичности в условиях меняющихся идеологических систем¹. Символический образ города не является статичным; он меняется в ответ на запросы времени, выполняя важнейшую функцию интерпретации настоящего через определенную призму прошлого. Эволюция образа Комсомольска-на-Амуре демонстрирует, как урбанистический проект, изначально создававшийся как

¹ См.: Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 2018.

воплощение советской утопии, прошел сложный путь трансформаций, отражающих изменения в общественном сознании и государственной идеологии².

Закладка в 1932 г. города Комсомольска-на-Амуре на диком, необжитом берегу представляет собой уникальный пример советского мифотворчества, строительства в сложных природных условиях. Его возведение силами комсомольцев-добровольцев, прибывших по путевкам ЦК ВЛКСМ, и многотысячной армии заключенных (в основном силами «Дальлага» и «Амурлага») с самого начала создало мощный, но внутренне противоречивый фундамент для последующей героизации. Официальная пропаганда, столкнувшись с чудовищными трудностями — суровым климатом, отсутствием инфраструктуры, эпидемиями и голодом — остро нуждалась в героическом символе, который бы не только оправдывал текущие лишения, но и мотивировал новую молодежь на участие в масштабном проекте освоения Дальнего Востока.

Так был рожден и канонизирован основополагающий миф о «Городе юности». Это был романтический, пронизанный оптимизмом образ, делавший акцент исключительно на добровольческом порыве, энтузиазме, преодолении стихии и силе коллективного духа. Он искусно эксплуатировал архетипические мотивы нового начала, «чистого листа» на берегу великой реки и грядущего светлого будущего, которое строится руками молодых и преданных идее людей. В газетах, кинохронике и литературе тех лет тщательно конструировался образ комсомольцев-первопроходцев, которые с гитарой и знаменем в руках покоряют тайгу.

Развитие культуры в Комсомольске-на-Амуре шло рука об руку со строительством заводов. Осенью 1933 г., в разгар прибытия заключенных, в поселке Дальлага начали возводить здание для Театра драмы. Оно было построено из подручных материалов — кирпича, самана и леса, но имело полноценную сцену, гримерки, костюмерную и просторное фойе. Свой первый сезон труппа открыла в новогоднюю ночь 1934 г. постановкой «Чапаев». Располагавшийся напротив лесозавода и носивший в то время имя «16-летия Октября», театр стал сердцем общественной жизни, где проходили не только спектакли, но и все важные городские события. Позже, в 1936 г., здание передали военным строителям, а в 1940 г. театр обрел новый статус, перейдя в подчинение краевого управления искусств и став официально городским.

Осенью 1939 г. по инициативе союзного Комитета по делам искусств был объявлен всесоюзный конкурс на создание проекта театра для Комсомольска-на-Амуре. Лучшим из 70 представленных работ был признан проект группы аспирантов Академии художеств (М.К. Бенуа, В.Д. Кирхоглани и П.Я. Мильштейна). Несмотря на официальное одобрение и планы по строительству, осуществлению замысла помешала Великая Отечественная война, в ходе которой ценные чертежи бесследно исчезли в блокадном Ленинграде.

История театра связана с несколькими переездами. Изначально он базировался на улице Гаражной, но в 1942 г. освободил это здание для отдела кинофикации, перебравшись в Дом Красной Армии (сегодня это ДК «Строитель»). Следующим этапом стал ноябрь 1944 г., когда театральная труппа обосновалась в новом Дворце культуры судостроительного завода. Интересно, что в то время многие артисты жили в отдельном двухэтажном деревянном доме, известном как Дом Актера, по адресу Краснофлотская, 12 (он же Пионерская, 29).

² Алексеева Н.В. Символическое пространство советского города: на примере городов Дальнего Востока: автореферат дисс. ... канд. культурологии. Хабаровск, 2019.

Вслед за созданием театра в городе появился и краеведческий музей, чья история самым тесным образом переплетена с историей самого города. Его экспозиции начали формироваться одновременно с возведением первых заводов и улиц, и, по сути, усилиями первостроителей города.

11 апреля 1935 г. на заседании комсомольского актива инициативу проявил бригадир плотников Алексей Смородов, выступив с предложением организовать в строящемся населенном пункте краеведческий музей. И уже в 1938 г. музей, работавший на общественных началах, развернул свою первую экспозицию. Она располагалась в бараке № 29 четвертого участка стройки, в помещении, где раньше находилась детская техническая станция. В создании этой экспозиции принимали непосредственное участие первые строители города. Значительную помощь в сборе материалов и коллекции предметов, повествующих о жизни коренного населения Приамурья, оказали московские художники Софья Витухновская и Хоскем Сандлер, пребывавшие в то время на Дальнем Востоке в творческой командировке.

Десятого апреля 1939 г. краеведческий музей получил официальный статус государственного учреждения, перейдя в подчинение наркомпросу РСФСР.

Город юности продолжал расти и активно развиваться во всех отношениях.

Шел процесс ввода в строй и роста промышленных гигантов—в первую очередь Авиационного завода № 126 (ныне КнААЗ), строительство которого с самого начала № 126 рассматривалось как задача государственной важности для укрепления обороноспособности восточных рубежей. Во время Великой Отечественной войны завод, работая в тяжелейших условиях, поставил фронту 2 757 бомбардировщиков Ил-4, став главным производителем этих машин в стране. Сегодня завод, выпускающий современные истребители и пассажирские лайнеры, является сертифицированным поставщиком для корпорации “Boeing”.

Решение о строительстве Амурского судостроительного завода было принято для укрепления обороноспособности Дальнего Востока. Уже в 1935 г., еще до официального ввода в строй, на временных стапелях была заложена первая подводная лодка Л-11. В 1937 г. началось строительство завода «Амурсталь». Хотя изначальный проект был амбициозен и предполагал создание мощного комбината, война внесла свои коррективы, заставив сосредоточиться на более быстром запуске передельного производства. Ценнейшим вкладом в оборону страны стал пуск завода в феврале 1942 г., когда в тяжелейших условиях была осуществлена первая сталеплавильная операция. Все это начало формировать иной, дополняющий образ—«Города труда и славы».

Этот нарратив был сфокусирован уже не на романтике начала, а на индустриальной мощи, трудовом героизме в годы первых пятилеток и особенно в период Великой Отечественной войны, на решающем вкладе в обороноспособность страны и экономическую самостоятельность СССР. Если «Город юности» говорил о начале пути и эмоциональном импульсе, то «Город труда и славы»—о его величественном, овеявшем металле и кораблях результате.

В советскую эпоху оба этих образа сосуществовали в состоянии тесного симбиоза, взаимно усиливая и обосновывая друг друга. Романтика первооснования находила логическое и идеологическое завершение в триумфе индустрии. В композиции Памятника первостроителям (рис. 1) были представлены фигуры, ставшие архетипами: юный комсомолец-рабочий с развевающимся знаменем, инженер-проектировщик с чертежами будущего города, солдат-охранник как символ военной защиты рубежей и молодая

женщина-строитель, чей образ одновременно указывал на преемственность поколений и созидательное начало. Ключевой особенностью памятника является динамичная устремленность всей группы вперед, в сторону промышленного района города, что визуальное и символически связывало акт основания с его индустриальным итогом. Поэтому памятник, который транслирует послание героического триумфа человека над природой, промышленный вызов тайге, и был установлен около реки Амур³.

Рис. 1 Памятник первостроителям

К числу других символических топов города можно отнести Музей боевой и трудовой славы авиастроителей при КнААЗе. Экспозиция таких музеев была выстроена по тому же принципу. Она начиналась с разделов, посвященных первым палаткам, комсомольским бригадам и энтузиазму 1930-х гг. («Город юности»), а затем плавно переходила к демонстрации выпускаемой заводом продукции — от боевых самолетов времен Великой Отечественной войны до современных авиалайнеров («Город труда и славы»). Таким образом, труд на заводе представлялся не просто работой, а прямым продолжением и воплощением романтического подвига основания.

Сходный посыл нес и Дворец культуры и техники того же Авиацонного завода (рис. 2). Эти грандиозные сооружения, часто с колоннадами и богатым убранством, были не просто клубами. Они являлись материальным воплощением идеи о том, что тяжелый индустриальный труд ведет к светлому будущему, одной из граней которого является доступная рабочим высокая культура. Дворец, построенный заводом, символизировал, что «слава», заработанная в цехах, дает право на красоту и досуг.

В том же контексте можно рассмотреть топонимику города и его районов.

Названия главной магистрали — Комсомольское шоссе, ведущего от жилых районов к заводам, или проспекта Первостроителей постоянно актуализировали связь с мифом об основании. Жители, ежедневно следуя по этим улицам на работу, буквально проживали эту символическую траекторию — от «юности» (названия) к «труду» (место работы).

Этот парный миф успешно работал на идеологическое воспитание: молодость и энтузиазм находили свое высшее воплощение в труде и славе. Локальная идентичность горожан

³ Петров А.И. Комсомольск-на-Амуре: от символа к реальности. Историко-культурный очерк. Комсомольск-на-Амуре, 2016.

строилась именно на чувстве сопричастности к великому государственному проекту, гордости за героическое прошлое и настоящее⁴. При этом официальные источники целенаправленно замалчивали противоречивые аспекты истории, такие как ключевая роль ГУЛАГа, условия труда и гибель тысяч заключенных, создавая монолитный, лишенный внутренних конфликтов и репрессивной составляющей миф.

Рис. 2 Дворец культуры и техники Aviационного завода

Распад СССР и последовавший за ним глубокий социально-экономический кризис 1990-х гг. нанесли сокрушительный удар по обеим составляющим имиджа Комсомольска-на-Амуре, выступив в роли катализатора глубокого символического и идентичностного коллапса.

Идеология комсомола, бывшая духовным стержнем мифа о «Городе юности», была не просто дискредитирована, а подвергнута тотальному пересмотру и осуждению в новом публичном пространстве. Комсомольские путевки и лозунги, некогда бывшие символами добровольного героизма, в массовом сознании стали ассоциироваться с тоталитарной пропагандой и заблуждениями. Параллельно и градообразующие предприятия оказались в состоянии острой стагнации. КнААЗ (Авиационный завод), Амурский судостроительный завод и «Амурсталь» столкнулись с резким обвалом государственного заказа, разрывом производственных цепочек и стремительным старением инфраструктуры. Это вылилось не просто в частичные остановки производств, но в заморозку масштабных проектов, массовые сокращения высококвалифицированных инженеров и рабочих, и, как следствие, в обальный рост безработицы и массовую миграцию молодежи и специалистов в центральные регионы России. Население города сократилось со своего пика почти на 100 000 человек, что ярко демонстрировало масштабы катастрофы.

Этот двойной удар — по историческому фундаменту и экономическому настоящему — привел к глубочайшему кризису локальной идентичности. Город, чья самооценочность была целиком определена его миссией в рамках большого советского проекта, оказался в смысловом вакууме. Жители потеряли не только работу, но и ощущение сопричастности к «великому», чувство гордости за свой труд и город.

⁴ Федорова А.Р. Локальная идентичность в условиях моногорода: социологический анализ. СПб., 2021.

Романтический миф о «Городе юности» в этих условиях стал восприниматься через призму горькой иронии и ностальгического диссонанса. Героические нарративы о комсомольцах-добровольцах, покоряющих тайгу, теперь читались как наивная сказка, не имеющая отношения к реальности 1990-х гг.: росту преступности, обнищанию и социальной апатии. Мобилизирующая сила этого нарратива окончательно угасла, превратившись в предмет ностальгии для старших поколений и в объект скепсиса для молодежи⁵.

Героико-трудовой миф «Города труда и славы» также пошатнулся, поскольку реальность деиндустриализации и тотального социального упадка более не просто не соответствовала ему, а прямо противоречила. Заброшенные цеха и заросшие бурьяном территории заводов стали зримым опровержением прежнего культа индустриальной мощи.

В образовавшуюся идеологическую брешь хлынули ранее табуированные темы. В публичное пространство — на страницы возрождающейся местной прессы, в новые краеведческие исследования, в общественные дискуссии — стали активно проникать сведения о ключевой роли «Амурлага» и «Дальлага», о труде заключенных, о репрессиях против первых строителей и инженеров. Имена этих людей, десятилетиями вымаранные из официальной истории, начали возвращаться. Этот процесс озаменовал наступление длительного периода деконструкции прежних символов.

Для этого периода была характерна фрагментация общего нарратива: вместо единого героического мифа возникло множество конкурирующих версий прошлого — от ностальгически-советской до критически-антитоталитарной. Городское сообщество приступило к мучительному поиску новых точек опоры, который проявлялся в самых разных формах: от попыток создать новый бренд, связанный с географией («Город на трех холмах»), до обращения к дореволюционной истории этих мест (некогда село Пермское), и до болезненных публичных дебатов о целесообразности установки памятников жертвам политических репрессий. Это было время исторической травмы и трудного прощания с прежними, оказавшимися несостоятельными, иллюзиями.

В XXI в., особенно в последнее десятилетие, наблюдается выраженная попытка ревитализации и нового прочтения ключевых городских мифов. Местные и федеральные власти, а также активные сообщества горожан осознают необходимость консолидирующего образа для стратегического развития города, привлечения инвестиций и укрепления поствоенной идентичности.

Происходит своеобразный синтез двух классических образов. Миф о «Городе юности» переосмысливается: акцент смещается с сугубо идеологической подоплеки на общечеловеческие ценности — стойкость, мужество, оптимизм и патриотизм первопроходцев, независимо от их статуса (добровольцы или заключенные). Образ «Города труда и славы» также трансформируется, связываясь теперь не только с советским прошлым, но и с настоящим: модернизацией оборонных заводов в рамках программ импортозамещения, развитием инновационных кластеров и укреплением оборонной мощи современной России.

Этот синтез направлен на формирование более сложной, многослойной и устойчивой идентичности, которая признает историческую многогранность и драматизм города, но извлекает из них позитивный, объединяющий заряд. Новый бренд города, проявляющийся в официальной риторике, музейных экспозициях и медийном контенте, пытается

⁵ Иванова Г.М. Освоение Дальнего Востока в советской культуре: мифы и символы. Владивосток, 2017.

органично объединить романтику подвига основания с уважением к промышленной традиции и ее возрождению⁶.

Проведенный в статье обзор позволяет, таким образом, заключить, что символический образ Комсомольска-на-Амуре на протяжении его почти столетней истории не был статичным или монолитным и претерпевал существенные метаморфозы, отражая общие траектории развития страны. Диалектика двух ключевых понятий — «Города юности» и «Города труда и славы» — выступала основным драйвером этих изменений.

В советский период наблюдался их идеологический симбиоз, подчиненный задачам государственного конструирования. Постсоветская эпоха характеризовалась глубоким кризисом и деконструкцией этих образов, что привело к размыванию локальной идентичности и ценностному вакууму. Современный этап озаглавлен активным поиском нового синтеза, при котором происходит сложная перекодировка традиционных мифологем, их очищение от дискредитированных идеологических наслоений и интеграция в новый общенациональный нарратив, отвечающий актуальным гражданским и культурным запросам⁷.

Эволюция бренда города от жесткой идеологической схемы к более гибкому и интегрирующему формату демонстрирует общую тенденцию переработки советского наследия в современной России. С одной стороны, происходит определенная ревитализация советских мифологем, с другой — формируются новые элементы идентичности, отражающие современные экономические и социальные реалии. Эти процессы представляют значительный интерес для исследований в области urban studies и социологии города. Успех этого синтеза будет определяться тем, насколько предлагаемый символический образ окажется способным не только апеллировать к прошлому, но и предлагать убедительную стратегию для будущего развития, объединяя тем самым разные поколения горожан.

Список литературы

Алексеева Н.В. Символическое пространство советского города: на примере городов Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2019. 198 с.

Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2018. 320 с.

Иванова Г.М. Освоение Дальнего Востока в советской культуре: мифы и символы. Владивосток: Дальнаука, 2017. 185 с.

Кнауб О.В. Трансформация символического пространства постсоветского города (на примере Комсомольска-на-Амуре) // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 70–78.

Петров А.И. Комсомольск-на-Амуре: от символа к реальности. Историко-культурный очерк. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КнАГТУ, 2016. 276 с.

Смирнова Т.М. Конструирование прошлого: советское и постсоветское в исторической памяти малых городов России // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С. 98–111.

Федорова А.Р. Локальная идентичность в условиях моногорода: социологический анализ. СПб.: Алетейя, 2021. 190 с.

⁶ Кнауб О.В. Трансформация символического пространства постсоветского города (на примере Комсомольска-на-Амуре) // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 70–78.

⁷ Смирнова Т.М. Конструирование прошлого: советское и постсоветское в исторической памяти малых городов России // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С. 98–111.

References

Alekseyeva, N.V. *Simvolicheskoe prostranstvo sovetskogo goroda: na primere gorodov Dal'nego Vostoka* [Symbolic Space of the Soviet City: the Case of the Cities of the Far East]. Khabarovsk: TOGU Publishing House, 2019. 198 p. (In Rus.).

Fedorova, A.R. *Lokal'naja identichnost' v usloviyah monogoroda: sociologicheskij analiz* [Local Identity in a Single-Industry Town: A Sociological Analysis]. Saint-Petersburg: Aleteia Press, 2021. 190 p. (in Rus.).

Ivanova, G.M. *Osvoenie Dal'nego Vostoka v sovetskoj kul'ture: mify i simvoly* [The Development of the Far East in Soviet Culture: Myths and Symbols]. Vladivostok: Dalnauka Press, 2017. 185 p. (In Rus.).

Knaub, O.V. Transformacija simvolicheskogo prostranstva postsovetskogo goroda (na primere Komsomol'ska-na-Amure) [Transformation of the Symbolic Space of a Post-Soviet City (the Case of Komsomolsk-on-Amur)], in *Sociologicheskie issledovanija*. 2020. Vol. 5. P. 70–78. (In Rus.).

Petrov, A.I. *Komsomol'sk-na-Amure: ot simvola k real'nosti. Istoriko-kul'turnyj ocherk* [Komsomolsk-on-Amur: from Symbol to Reality. Historical and Cultural Essay]. Komsomolsk-on-Amur: KnAGTU Publishing House, 2016. 276 p. (In Rus.).

Smirnova, T.M. Konstruirovanie proshlogo: sovetskoe i postsovetskoe v istoricheskoi pamjati malych gorodov Rossii [Constructing the Past: Soviet and Post-Soviet in the Historical Memory of Russia's Small Towns], in *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2021. Vol. 3. P. 98–111. (In Rus.).

Zakovorotnyaya, M.V. *Identichnost' cheloveka: social'no-filosofskie aspekty* [Human Identity: Socio-Philosophical Aspects]. Rostov-on-Don: Publishing House of the SKNC VSH, 2018. 320 p. (In Rus.).